

Сергей Шаповалов

Горячий декабрь

Литрес ≡

Москва

ISBN 978-5-532-93106-0

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6
Ш24

Шаповалов С. А.

Горячий декабрь / Шаповалов С. А. — Москва: Литрес,
2021. — 257 с.

ISBN 978-5-532-93106-0

Повесть "Горячий декабрь" правдиво показывает череду событий, развернувшихся во время Декабрьского восстания 1825 года. Читателю предлагается глубоко погрузиться в обстановку послевоенного Петербурга. Неожиданная смерть императора Александра. Интриги вокруг престола. Попытка военного переворота. Обложка изготовлена Шаповаловым С.А. Использована картина Вильгельма Августа Голике «Портрет Николая I». Начало XIX века. Новгородский музей-заповедник.

© Шаповалов С. А., текст, 2019
© ООО «ЛитРес», оформление, 2021

Содержание

Пролог	4
Беседа за чашечкой кофе	6
Таинственный визитёр	17
Ожидание	29
Опасный визит	46
Русско-Американская компания	57
Северное общество	66
Разговор	76
Удар	84
Константин	99
Вестник из Варшавы	107
Милорадович	112
12 декабря	116
Тайный парламентёр	131
Манифест	142
План восстания	144
Накануне	165
Присяга	169
Московский полк	179
Лейб-гвардии Гренадерский полк	212
Развязка	215
Бессонная ночь	230
Пропавший граф	238

Пролог

Коляска, запряжённая парой холеных, высоких коней, миновала заставу. Караульный опустил полосатый шлагбаум. Все! Петербург остался позади. Предраcсветное осеннее небо едва подёрнулось зарей, гася звезды. Сумрачный лес обступил дорогу. Звонкий цокот копыт по брусчатке сменился глухим топотом по грунтовой дороге. Широкоплечий кучер в высоком картузе, с густой окладистой бородой правил уверенно, иногда лихо посвистывая. Фонарь, висевший рядом с ним на облучке, едва освещал дорогу, но кучер был умелым: рука твёрдая, глаз острый. Коляска катила ровно по колее, слегка покачиваясь на ухабах. Рессоры жалобно поскрипывали. Бубенчик звякал уныло, потерянно.

В коляске с откинутым верхом сидел человек, кутаясь в дорожный плащ, и, казалось, дремал. За экипажем следовали двое верховых казаков в голубых лейб-мундирах. На боку сабли, за спиной пики.

Вдруг пассажир встрепенулся и попросил кучера остановиться. Тот натянул вожжи. Лошади недовольно захрапели. Коляска встала. Казаки попривержали коней. Пассажир медленно поднялся и сошёл на землю. Устремил взгляд к тёмному небу, где белёсым штришком обозначилась комета.

Он был высок и статен. Осанка благородная. Движения плавные. Что-то шептал: то ли размышлял вслух, то ли молился. Стоял долго, не отрывая взора от кометы.

– Ваше величество, Александр Павлович, – несмело пробасил кучер. – Лошадки остынут.

– Погоди, Илья, – попросил человек. Голос его прозвучал с нотками грусти. – Разве не понимаешь, возможно, я больше не вернусь сюда. Дай насладиться последними минутами.

– Господь с вами! – недовольно пробурчал кучер, снял картуз и перекрестился. – Что вы такое говорите?

– Видишь, как комета хвост распушила?

– Знатно. Словно жар птица, – согласился кучер.

– Знаешь, к чему сие знамение небесное? – Он вздохнул. – Бедствия она несёт и горести. Если так угодно Богу, значит – тому и быть!

Он решительно повернулся и вошёл в коляску.

– Трогай!

Беседа за чашечкой кофе

В кондитерскую «Вольфа и Беранже» вошёл статный господин лет тридцати. Одет он был на английский манер: дорогой длинный плащ каррик горохового цвета; на голове новый атласный, чёрный боливар; ноги в мягких остроносых ботиночках с маленькими медными пряжками. Впрочем, вид его был обыкновенный для Петербурга. Многие молодые щёголи нынче носили английские плащи и атласные боливары. Стрижка короткая, по последней моде, так же, английской. Небольшие аккуратные черные усики; круглое, тщательно выбритое лицо с полными губами, прямой нос. Взгляд, казалось, безразличный, отвлечённый, но глаза внимательные. В руках, затянутых в коричневые кожаные перчатки, он держал трость с медным круглым набалдашником.

Господин с благоговением втянул носом аромат крепчайшего кофе и свежих, только что выпеченных, булок. Швейцар в зелёном фраке подскочил к нему и услужливо принял шляпу, перчатки и плащ. Пригласил пройти в чайный зал. Оправив песочного цвета сюртук из хорошего английского сукна с двумя рядами блестящих пуговиц, господин прошествовал в просторное помещение с небольшими столиками на четыре персоны, устланными бархатными скатертями болотного, спокойного оттенка. Прилавок у дальней стены был заставлен коробочками с чаем, кофе и конфетами. На отдельном столике лежали свежие журналы и газеты. В столь ранний час в зале сидел лишь один посетитель, уткнувшись в газету. Молодой, элегантный, хорошо одетый. Иногда его рука нащупывала чашечку с чаем и подносила ко рту.

Любезный официант предложил место за столиком у широкого окна, открывавшего вид на Невский проспект. Господин сел. Попросил крепкий кофе и сливок.

— Не желаете к кофе сладости? — поинтересовался официант. — Пирожные, булки с повидлом, пирожки с начинками?

— О, нет! — отказался посетитель. — Я утром не ем.

– Нынче получили крымские груши, – не отставал официант. – Варенье из Киева. Есть крупные пупырчатые финики, виноград и свежий кишмиш, швейцарская сухая дуля...

– А из сыров, что у вас есть? – поинтересовался господин.

– У нас самый лучший «пармезан» по семи рублей за фунт. Швейцарские сыры – девяти сортов, английские – пяти, что предпочитаете?

– Пожалуй, «пармезан», только нарежьте очень тонко.

– Сию минуту, – с готовностью ответил официант, изобразив лучезарную улыбку, но не спешил отходить. – Могу ещё предложить коломенскую медовую пастилу, Кольскую мочёную морошку. Блины есть с астраханской икрой.

– Нет, спасибо, только кофе и сыр. Ах, вот ещё что, – вспомнил посетитель. – Какие у вас свежие газеты?

– Только что «Петербургские ведомости» занесли. «Северная почта» есть.

– А из литературных журналов новых?

– «Невский альманах» не желаете? Есть «Невский зритель» Многие берут: очень прелюбопытнейший журнал.

Молодой человек, что сидел за соседним столиком, положив ногу на ногу, и смотрел газету, оторвался от чтения, сказал тоном знатока:

– Прошу прощения, что вмешиваюсь. Хочу вам порекомендовать «Полярную звезду». Журнал самых прогрессивных взглядов. Интересные авторы: Баратынский, Крылов, Вяземский, Пушкин...

У него было спокойное приятное лицо смуглое и благородное. Губы тонкие, брезгливо поджаты. Глаза большие, тёмные, внимательные. Он производил впечатление воспитанного, образованного человека. Острижен коротко, по английской моде. На вид ему едва исполнилось тридцать. Он выглядел опрятно. Шёлковый белый галстук на шее скрепляла серебряная брошь в виде рыцарского щита с крупным изумрудом в середине. В кармашек сюртука от средней пуговицы провисала крупная золотая цепочка. Из самого кармашка выглядывал краешек золотых часов.

– Спасибо за совет, – поблагодарил искренне господин.

Официант удалился. Вновь прибывший обратился к молодому человеку, читавшему газету:

– Простите, что вас отвлекаю.... Дело в том, что я только что приехал с Британских островов и ещё не ориентируюсь в событиях.

Молодой человек отложил газету. С интересом взглянул на гостя.

– Вы интересуетесь литературой, искусством или театром?

– Всего лишь, как обыватель. Коммерция – мой конёк.

– Присаживайтесь за мой столик. С удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Кондратий Рылеев, – представился он. – Управляющий канцелярией Российско-Американской компании.

– Ах, как удачно я вас встретил! – радостно воскликнул гость. – Граф Денгоф, – представился путешественник.

– Известная фамилия. Вы из Курляндии?

– Именно так. Но, честно признаюсь, давненько не был на родине. Я занимаюсь торговлей. Все больше живу в Англии.

– Вот как! – заинтересовался Рылеев. – Мы с вами в чем-то коллеги. И каков род вашей деятельности?

– У меня пай в одной британской компании, которая закупает хлопок в Америке для мануфактур.

– Хорошее дело! Что же вы хотите от России? В наших северных широтах хлопок не растёт.

– Хочу разузнать, как наладить поставку на одну лондонскую мануфактуру канатную пеньку и лен для парусины. Но, вы же понимаете, прежде чем основательно заняться делами, нужно разобраться в политической обстановке: таможенные пошлины, всевозможные разрешения, нужные люди....

– Понимаю вас, – снисходительно кивнул Рылеев. – Постоянно с этим сталкиваюсь. Готов помочь советом, что в моих силах.

В это время официант поставил перед путешественником чашечку кофе, миниатюрный молочник со сливками и тарелочку с тонко нарезанными ломтиками сыра.

– А в Великобритании, я так понимаю, промышленный рост? – поинтересовался Рылеев и попросил официанта ещё чаю.

– Старушка-Англия богатеет, – согласился граф Денгоф. – Наступает век паровых машин. Кругом возникают мануфактуры. Города

растут, как на дрожжах. На верфях работа кипит. Со стапелей один за другим сходят корабли. Так, в двух словах не описать...

– Завидую, – грустно кивнул Рылеев. – А в России тишь, да гладь. Пашем землю сохой. Дорог почти не имеем. Баржи по рекам бурлаки таскают. Домны на Урале разваливаются. Но, зато парады чуть ли не каждый день: эскадроны, строевые коробки, бой барабанов, знамёна, пушечные салюты.... Сами скоро все увидите. Кстати, а вот и Трубецкой, – лёгким кивком указал он на вход. – Сергей Петрович, мы вас ждём!

Высокий статный офицер в красногрудом мундире с золотыми эполетами вошёл в кондитерскую. У него было слегка вытянутое строгое лицо с прямым носом. Бакенбарды спускались чуть ли не до подбородка. Он слегка прихрамывал, но шёл твёрдо, уверенно.

Рылеев представил графу Денгоф полковника гвардии, дежурного штаб-офицера четвёртого пехотного полка, князя Сергея Петровича Трубецкого.

Тот не спеша занял место за столиком. Попросил принести кофе и свежие газеты. Граф Денгоф заметил на груди у полковника странный орден: чёрный железный крест, без надписей или узоров.

– Позвольте спросить, за что вы получили эту награду, и что она символизирует? По форме креста – награда прусская. Знаю большинство прусских орденов, но такой вижу впервые.

– Ах, эта, – Трубецкой пригладил указательным пальцем крест. Ответил, казалось безразлично, но в словах его скользила еле скрываемая гордость: – Получен за сражение под Кульмом. Бился в рядах старого, прославленного Семёновского полка. Кровавое было дело. Наполеон напирал сзади, а путь нам пытался перерезать генерал Вандам. Окружение грозило полным разгромом. Но мы выстояли, а храбрый Вандам оказался в нашем плену.

– Так, вы служили в Семёновском полку! – с уважением произнёс граф Денгоф.

– Прошёл всю компанию под знаменем петровским от Бородино до Лейпцига. Вот, под Лейпцигом не повезло: был ранен в ногу.

Официант принёс полковнику кофе и газеты, графу Денгофу подал толстый журнал.

– Ага, Кондратий Фёдорович, – заметил Трубецкой, – смотрю, гостю журнал свой предлагаешь. Вы же знаете, граф, «Северную звезду» Рылеев издаёт. Он известный поэт в Петербурге.

– Ну, полно тебе, Сергей Петрович. Поэт я – так себе. Уж до Баратынского или до Жуковского мне, как до Сибири. А тут ещё молодой Пушкин обскакал. Вот это – талантище, вот это – поэт. Я же, так – рифмуете. Объясни лучше гостю о политическом положении в России: что на нашей кухне повара стряпают и под каким соусом подают. Граф желает в России дело открыть.

– Что ж, вопрос не сложный. – Трубецкой попробовал кофе. Довольно причмокнул губами. – Если кратко: армия огромная, народ нищий, дворянство бедное, а страна богатая. Да, вот такие дела: страна великая – самого Наполеона разгромили. Знамя Российское водрузили над Парижем. Куда в Европе не поедешь, всюду русские могилы. Но крестьянин в лаптях, в дерюге, на худой кобылке пашет, да пустые щи хлебает.

– А чья вина в бедности народа? – удивился граф Денгоф.

– Понимаете, какое дело, – попробовал объяснить Рылеев. – Россия участвовала в континентальной блокаде; потом долгая война, заграничный поход. За все это время внешней торговли, практически, не было. Зерно не продавали, держали в амбарах. А как настал мир, этим зерном все рынки завалили. Хлеб нынче сильно удешевел. На Берлинской бирже цены упали в три раза за несколько лет. Тут же все государства стали защищать свои экономики, воздвигая таможенные барьеры. Континентальная блокада Наполеона теперь кажется ерундой, по сравнению с современными сборами и акцизами. А в России основной продукт для торговли – это хлеб. Вот, и получается: сидим на мешке с добром голодные и ободранные. Да что там..., – он указал на статью в газете. – Здесь все изложено. В семнадцатом году экспорт зерна из России составил сто сорок три миллиона пудов, в двадцатом – тридцать восемь миллионов, а в двадцать четвёртом – двенадцать миллионов пудов! А здесь министр финансов Канкрин пишет: «Внутренне положение промышленно-сти от низости цен на хлеб постепенно делается хуже. Дефицит бюджета вырос в два раза, доходы сократились». Но есть ещё одна